

Идея цельной культуры: модель восстания против современного мира¹

I. Введение

Наша культура больна. Процессы распада происходят в ней на протяжении веков. Её составные части постепенно разъединялись и обособлялись от своих естественных, жизненных корней. Только при помощи соединения, или воссоединения, культуру можно исправить, привести в первоначальный вид.

В слове «культура» есть что-то, что раздражало меня на протяжении многих лет. Кажется, люди используют его неясно и двусмысленно. Когда я начал преподавать мировую литературу в переводе в Техасском университете осенью 1984 года, я занялся более обстоятельным исследованием понятия «культура», намереваясь использовать результаты в моих лекциях. Итогом стало открытие «культурной решётки» (**culture grid**). Культура состоит не менее чем из четырёх различных категорий, каждая из которых существенна для идеи культуры в целом, и ни одной из них нельзя пренебрегать при попытке описать её во всей полноте. Эти четыре категории являются следующими: этническая культура, духовная культура, вещественная культура и языковая культура. В последних обсуждениях этих культурных категорий я подчёркивал само существование четырёх категорий и необходимость каждой из них для описания целого.

Это выделение было полезным, но оно было весьма статичным. На самом деле, в динамических культурах происходит непрерывное взаимодействие культурных категорий друг с другом. Происходит постоянное движение и переплетение этих категорий, каждая из которых укрепляет остальные.

Наша первая задача состоит в том, чтобы определить составляющие части культуры, т.е. составить детальную карту человеческого опыта и деятельности. Из этого вытекает императив интенсивного развития каждой из этих категорий до пределов возможностей человека. В заключение, необходимо замкнуть этот круг путём воссоединения составных частей в естественное жизненное целое, в котором личность станет человеком с подлинной культурой (**a culturally authentic man**). Более того, процесс «замыкания круга» служит для укрепления самой культуры.

Этот динамичный процесс достигается сознательными усилиями по объединению культурных категорий и таким образом восстановлению интегральной (цельной) культуры. Сначала это нужно сделать на индивидуальном уровне, чтобы можно было перейти на коллективный уровень. Культурное воссоединение начинается изнутри.

В заключение этой статьи станет очевидно, что, если человек способен понять, что идеальная культура есть единое целое, и что личность действительно свободна только в среде цельной культуры, то из этого следует целый ряд личных и общих требований. Эти требования, как правило, идут вразрез с общим направлением современной жизни, имеющей склонность к разрушению культуры при помощи мнимых интересов отдельных индивидуумов. Такой индивидуум, отделившийся от своей культуры, становится лёгкой добычей для людей, преследующих различные

---

¹ *Stephen Edred Flowers. The Idea of Integral Culture: A Model for a Revolt against the Modern World. // TYR: Myth-Culture-Tradition. Volume 1, 2002. – Pp. 11-21.*

временные интересы. Эти интересы могут затрагивать политические взгляды или новые потребительские товары, или одну из миллиона других вещей. Разъединённый, разобщённый индивидуум, отрезанный от своего естественного состояния, более восприимчив к таким внушениям, чем твёрдо стоящий на почве подлинных и осознанных культурных ценностей. Настоящие культурные ценности такого рода не могут, однако, быть созданы искусственно. Они должны произрастать из глубокой исторической почвы.

II. Культура

Чтобы полнее раскрыть идею цельной культуры, нужно более широко понять культурные категории. На рисунке ниже изображена так называемая культурная решётка. Данная решётка показывает четыре культурные категории, расположенные так, чтобы быть более понятными, чем в виде простого списка. Пара в левой части схемы главным образом материальна по природе, тогда как пара в правой части большей частью символична. В то время как верхняя пара может быть рассмотрена как первичная, нижняя пара является вторичной.

ЭТНИЧЕСКАЯ Телесное выражение	ДУХОВНАЯ Идеология: религиозная, политическая, экономическая, и т.д.
МАТЕРИАЛЬНАЯ Произведённые вещи	ЯЗЫКОВАЯ Язык и символические коды

Все культурные категории подразумевают связь между двумя или более людьми. *Этническая культура* коренится в половых связях между мужчиной и женщиной, которые осуществляются с целью производства детей. Плодом этого союза является телесное выражение культуры, её проявление в материальном мире. Без этой воспроизводственной деятельности точное *воплощение* (олицетворение) культуры явно невозможно. Многие считают, что само тело в виде ДНК воспринимает и кодирует определенные культурные образцы, и, действительно, культурные данные, воспринятые развивающимся человеком (особенно в течение нескольких первых лет жизни), на самом деле, имеют следствием постоянные физические изменения в мозге (см. **Brad Shore, *Culture in Mind*, Oxford, 1996**). Связь живущих индивидуумов со своими предками, – это не только символическая связь, но также и физическая. Нераздельность с телами наших предков создаёт как бы культурное «сверхтело» для нас. *Этническая культура* – это материализованная, воплощенная культура.

На другом краю нашего диапазона находится *духовная культура*. Этнос культуры – это её система символов или идеология. Это та часть культуры, которая больше всего интересует нас, поскольку мы, как правило, наиболее очарованы именно идеями культур – как своей собственной, так и других. Это та часть культуры, которая содержит структуры, модели и мифы (или метарассказы), созданные из символических понятий. Мы выбрали здесь слова «этнический» (**ethnic**) и «духовный» (**ethical**), хотя мы могли бы использовать и другие термины, чтобы показать древнюю связь между биологией и идеями. Для древних греков *этнос* или племя определялось богами, которым совершались жертвоприношения, и, следовательно, от которых племя

получало свои ценности. Греками были те, кто совершал жертвоприношения греческим богам, говорил по-гречески и увековечивал греческий *этнос* биологически. Подобную модель веры мы находим и в других индоевропейских ветвях традиции.

Символическая, или духовная, культура совершенно невидима и сверхчувственна. Мы знаем о ней благодаря её проявлениям в трёх других ветвях культуры: этнической, материальной и языковой.

Символическая культура полностью закодирована в *языковой культуре*. Это в основном тот языковой код, на котором говорят и который понимают представители данной культуры. Но языковой код, его фонология, морфология, синтаксис и семантика составляют также совокупный семиотический код, с помощью которого представители культуры понимают мир и выражают своё мнение по отношению к другим частям мира. Без такой коммуникации между людьми и мета-коммуникации между людьми и другими частями вселенной (например, богами и/или природой) люди будут беспомощны в мире.

Материальная культура легко видна. Она складывается из всего того, что производит культура, т.е. из всех физических предметов, созданных представителями этой культуры. Это может быть каменный наконечник стрелы или небоскрёб. Это предметы, которые человек создаёт после того, как он представил их в своей душе. Другими словами, это *искусственные* предметы, т.е. «созданные силами человека». Часто те сведения, которые мы знаем о древней культуре, собраны по оставшимся от неё предметам. Но часто с помощью этих предметов мы можем воссоздать культурные ценности. Если оценивать современную культуру только по материальной стороне, то я не представляю себе, что археологи будущего смогли бы понять из неё. Они, конечно, признали бы её титанической, но, возможно, также бесплодной и пустой.

Одна вещь, которая должна быть очевидной, – это то, что составляющие части культуры не являются замкнутыми и изолированными категориями. Скорее, они суть четыре стороны проявления, которые принадлежат большему целому. Каждая категория взаимодействует с остальными тремя в живом общении. Языковая культура пересекается с материальной в виде письма, надписей, книг, программного обеспечения компьютеров и т.д. Символическая культура не только обеспечивает формы для производства вещественных предметов (таких, как храмы и скульптуры), но также обычно определяет природу физического воспроизводства в виде законов и обычаев, окружающих брачные отношения и воспитания ребёнка. (Современный повсеместный беспорядок и упадок этих обычаев настолько же очевиден, насколько очевидны большинство традиционных обычаев, обнаруживаемых в прошлом или в других культурах.) Четыре основные культурные категории пересекаются и воздействуют друг на друга, и ни одна из них не может существовать без остальных трёх. Изменения в одной будут неизбежно приводить к изменениям в других частях. Прочность одной поможет укрепить другие, тогда как слабость одной непременно распространится на всё остальное. В текущем состоянии культурного разделения ощущение цельной сущности культуры было утеряно. Основная причина этого разделения также должна быть очевидна. Один из наиболее действенных путей восстания против современного мира – это предпринять (вос)соединение культуры, осуществить личный и культурный *синтез* – «сведение воедино» различных категорий культуры.

Чтобы совершить это восстание, нужно начать с себя. Внутренний синтез культурных категорий должен быть *гармоничным*. То есть, несмотря на то, что люди в известной степени свободны в «смешивании и сочетании» составных частей культуры,

только глупцы могут серьёзно полагать, что они сами были достаточно умны, чтобы спроектировать такой синтез ещё до того, как стать практически законченными плодами культуры и личностями. Это то же самое, что попросить ребёнка спланировать свою жизнь, когда ему всего восемь лет! Мы не удивимся, если этот человек будет очень несчастен в двадцать лет. Личный культурный синтез теоретически существует *в потенциале*. Именно работа личности должна привести к осуществлению этого синтеза, претворить его в жизнь, актуализировать потенциал.

Этот ранее существовавший культурный синтез, к которому мы стараемся вернуться на более высоком уровне, может иметь свои корни только в том времени, когда существовало это объединённое целое. Это основная причина того, почему люди, заинтересованные в культурной аутентичности, так часто тоскуют по язычеству или по древним временам. Это не столько стремление к «язычеству» как таковому, сколько стремление к *цельности*, целостной природе своей сущности и культуры, которое возможно в таких обществах.

На личном уровне задача человека, практикующего цельную культуру – раскрывать и затем приводить к согласию содержимое своего тела, мозг (разум), язык (речь) и свои дела и каждодневные поступки. Каждая часть жизни находит свои отклики в других составляющих частях такой многогранной жизни. Тело содержит код, несущий внутреннее «повествование» обо всех своих предках. Культурные мифы соединяют их, и эти мифы перекодированы в существующие сказки, часто выраженные на древних языках. Эти коды несут в себе проект внутреннего действия, которое может привести человека обратно в цельное состояние бытия. Это то, как они действовали в давние времена, и это то, как они могут действовать сегодня. Только читать и думать об этих примерах обычно недостаточно. Должна быть испытана иная техника, разработанная для того, чтобы запечатлеть коды сознания. Должны быть испытаны высокие уровни повторяемого, сосредоточенного, упорядоченного и напряжённого мышления. Но здесь не место вникать в эти техники.

Важная часть развития культурного воссоединения личности включает сознательное взаимодействие с другими людьми, принадлежащими к этой культуре. Культура, в конечном счёте, всегда включает *отношения* между людьми. Опыт отдельной личности – это форма мистицизма, а не проявление целостной культурной деятельности. Человек должен определить для себя, как он может лучшим образом способствовать культурному воссоединению, или предоставить определить это другим. Одни обеспечат будущему здоровые тела, другие будут создавать учреждения, которые будут укреплять и поддерживать культуру, третьи будут обучать традиционному знанию и языкам культуры, остальные будут создавать и изготавливать художественные и практические вещи, которые несут в себе культуру материально. Некоторые выдающиеся личности смогут внести вклад в более чем одну из этих областей. Но все эти области являются необходимыми; ни одна из них не является более важной. Всех их нужно рассматривать как работающих вместе как единое целое.

Известно, что все идеи культуры, кажется, каким-то образом уходят корнями в «прошлое». Для того чтобы понять идею «прошлого», нужно рассмотреть идею самой *истории*.

III. «История» идей

Понятие «истории» может быть либо несущественным, либо существенным для идеи цельной культуры, в зависимости от того, как его понимать. Если кто-то понимает под историей существующую цепочку событий, происходящих с давнего прошлого до настоящего времени, наделённых космическим значением и важностью, то «историю» можно выкинуть из головы как «чушь». История никогда не была и не будет своего рода научными поисками, ограниченными «голыми фактами». История (**history**) – это то, что содержится в её имени: *предание (story)*. Все предания суть рассказы. Чтобы иметь какой-либо смысл, они содержат определенные характеристики морали, конфликтов и особенно «интриг», неизменно интересных для слушателя или читателя. Перечисленные характеристики показывают, что «история» во многом – это просто переработка мифологии в светский вид. В этом нет ничего плохого, за исключением лжи, которая может быть воспитана, если людей приучают думать иным образом, что, конечно, многие и делают. Именно из-за мифа или мета-рассказа современного мира, в пределах которого большинство людей живёт сегодня, имеет в качестве одной из основных своих опор идею «объективной истории». (Это мета-рассказ, унаследованный от иудеохристианства, которое было первой идеологией для сакрализации светских исторических событий и наделения их мировой значимостью.) С другой стороны, если под историей мы понимаем синтетический взгляд на мифы, структуры и идеи, так же как и разные события, обозреваемые через время, тогда «история» является основой культуры.

Мирча Элиаде никогда не уставал указывать на то, что миф пытается уничтожить историю. То есть, миф всегда правдив и периодически повторяется вследствие присущих ему структурных характеристик. Тем не менее, история, в обычном понимании, представляется временной правдой, постоянно открытой для разносторонних толкований, и в основе хронологической и последовательной. Мифы – это всегда правда, тогда как история часто есть торжество абсурда. Французский мыслитель и критик Ален де Бенуа и другие обращали внимание на то, что прошлое, настоящее и будущее – это на самом деле не линейное движение, но суть совершенно разные три измерения человеческой жизни. Другие концепции – например, Освальда Шпенглера – придают особое значение «морфологии истории» и рассматривают культуры как естественные субъекты «истории», связанные циклическими законами рождения, жизни и смерти.

Хотя это, скорее всего, мета-рассказ, или миф по своей сути, всё-таки полезно рассмотреть идеи обычного историка о последовательности эпох в истории европейских идей. Время, предшествующее пришествию христианства, объединяется историками в период, который они называют «античным». Они не знают, что делать с ним в более широком понимании, из-за того, что в нем нет одного основного мифа или общей теории, в пределах которой он может быть понят. Индоевропейцы (и все их культурные ответвления) имели свой собственный набор ценностей, египтяне – свой, китайцы – свой, и т.д. Господствовала ясная множественность и этнические обозначения были достаточны, чтобы разделять культуры в более широком понимании: мы можем говорить о германском народе, религии, предметах искусства и языке, как о более или менее связанном и едином целом. То же самое относится к грекам, римлянам или любой другой ветви индоевропейского древа. Безусловно, это равным образом соответствует и всем остальным «античным» культурам. Тем не менее, мы сталкиваемся с необычной ситуацией, когда исследуем культуры непрерывной аутентичности, будь они найдены в Японии, Китае, Индии или где-то в другом месте. Определённого рода культуры не претерпели существенных изменений между

далёким прошлым и их нынешним состоянием. Однако символическая непрерывность большинства культур подверглись значительным разрушениям.

Это разрушение отождествляется с моментом смены правящей парадигмы от партикулярной и культурно аутентичной к более общей (интернациональной). Эта обобщённая парадигма чаще всего характеризуется *монотеизмом* – например, христианством или исламом. С пришествием этой парадигмы в культуру (неважно, насколько неполным и несовершенным было это пришествие) можно говорить о том, что она вошла в новую фазу. В Европе эта фаза впоследствии стала называться «средневековьем». Все *среднее* находится между двумя вещами. В данном случае эти две вещи суть «античность» и «современность». В средние века доминировал миф веры, установленный Церковью. Здесь не место для обсуждения достоинств и недостатков этого мифа. Нам лишь важно осознать, что разнообразные многочисленные и этнически детерминированные мифологии были замещены одной интернациональной. Несмотря на то, что многие часто говорят о переломе между средневековым и современным периодами, различия между средневековой и современной мифологией не настолько велики, как между античной и средневековой, или современной.

Современность только заменяет один монолитный миф другим. Взамен веры и Церкви, являющимися наивысшими судьями истинности, власть берут разум и наука. Часто средневековыми «религиозными» ценностями были просто секуляризованные и изменённые «политические» модели. Церковь обещала спасение всех людей через веру, тогда как наука обещала тот же самый всемирный итог благодаря прогрессивному применению разума. Тех, кто осуждают и средневековый и современный монотеизм, те, кто видят злобную глупость в обещаниях и веры, и разума, воплощённых в идеологиях средних веков и «прогресса» современности, можно назвать «постмодернистами». Нужно заметить, что термин «постмодернизм» в целом был присвоен университетскими марксистами и криптомарксистами ради продвижения своих собственных программ (которые, как правило, связаны с их собственным карьерным продвижением в университетах, последним оплотом верующих в марксизм сегодня). По этой причине затруднительно использовать этот термин, не вызывая вокруг него целой кучи «политкорректных» небылиц.

IV. Идея цельной культуры

В контексте современного мета-рассказа наиболее эффективным стало бы такое восстание, которое противостояло бы современной атомизации – разделению всех объединённых единиц на мельчайшие части, чтобы гомогенизировать их политически и/или экономически, – поддерживая воссоединение культурных элементов или категорий в гармоничном и аутентичном целом. Возможно, из всего вышесказанного уже понятна идея, как это может быть сделано. Несмотря на это, в заключение я хотел бы высказаться точнее.

Есть определённые стези или пути действия, ведущие к цельной культуре. Это не альтернативы или варианты выбора, но скорее вещи, которые должны быть, в той или иной степени, объединены в жизни человека. Первое – это традиция, второе – личная аутентичность, третье – культурное действие.

Традиция – это то, что передавалось с незапамятных времён разными путями: генетически, при помощи мифов, языка и материально. Субъект, т.е. *деятель* должен открыть традицию, миф и учение, к которому он принадлежит. Это не «выбор» чего-

либо совершенно произвольно. Это *осознание* истины. Как только этот аутентичный выбор сделан, что можно легко рассмотреть как «избрание» некоей стороной этой традиции, человек не сможет вернуться или уклониться от последствий этого осознания.

Причина этого в том, что это вопрос личной аутентичности. Современным людям кажется, что они могут стать тем, кем в действительности не являются, – например, индейским шаманом или каббалистическим мистиком. Но человек не может по-настоящему стать таковым, кроме как в своём воображении (а может быть, и в воображении других). В действительности мы лишь можем, перефразируя Фихте, *стать теми, кто мы есть*. В рамках этого царства возможностей существует бесконечное число направлений, но традиция есть нечто неизменное. Современный мир делает путь открытия аутентичной традиции почти неосуществимым. Хотя немногие продолжают действовать в надеждах на то, что когда-нибудь эта дверь будет открыта для многих. Нужно просто спросить себя: «Первоклассным» образцом чего я могу быть?» Могу ли я быть первоклассным индейским шаманом? Нет, им может быть *индеец*. Могу ли я быть первоклассным каббалистом? Нет, им может быть *ортодоксальный еврей*. Положительным ответом на этот вопрос могут быть разные вещи. Но в собственном сердце, если ответ совершенно искренен, аутентичное пробуждение в жизни человека будет несомненным и бесповоротным. Откроется верная стезя, но она будет еще далека от завершения.

Третья составляющая на пути к цельной культуре касается взаимодействий с другими. Человек должен активно взаимодействовать с другими в рамках того же учения или традиции, с другими, кто подобным образом обнаружил свой аутентичный путь. Обучение у других, их обучение, связи с ними, и вообще взаимодействие по всем возможным направлениям с остальными представителями той же традиции – всё это формирует типичную лабораторию не только для обширных культурных действий, но также и для внутренней личной работы.

Это приближение к личному развитию непременно охватывает больше, чем кратковременные и мимолётные желания человека. Оно показывает человека в его истинном свете, как лицо, которое существует во многих измерениях, прошлом, настоящем и будущем одновременно. Личность имеет *историю* в том смысле, что личность существует лишь как часть течения культуры, которая не может быть понята в отсутствии составляющих её событий и структур. Преобразование культуры по образцу здорового, объединённого общества не может не иметь благотворного влияния на межличностные отношения, и, следовательно, на все стороны культуры.

Серьёзная и коварная болезнь современного мира имеет свои корни в разъединении и способствует ей на каждом шагу. Такой отказ от корней подсовывается нам под такими благородными выражениями, как «свобода» и «права человека». Но как только дерево было выкорчевано и загублено под натиском прогрессивного модернизма, и к тому времени живущие на дереве осознали, что случилось во имя «личной свободы», было уже поздно. Всеобщее благо целого было принесено в жертву мимолётным увлечениям личности. Как в таком случае может личность поднять восстание против современного мира? Культурной разобщённости противостоит культурное воссоединение. Обратные пути к этой ступени существования обозначены признаками традиции, аутентичности и действия. Без них эффективное восстание невозможно.

Стивен Эдред ФЛАУЭРЗ

Перевод с английского М. Грабовского